



МДВ

Трибуна... на завтра

Улица Горького, 14, — самый центр Москвы. В двух шагах — возле редакции «Московских новостей» — особое оживление. Здесь реализуются издания различных движений, и при желании вы даже можете стать обладателем отпечатанной в Париже «Русской мысли». За три рубля. Потому что в Париже эта «Мысль» и печатается. Издания, выпущенные на земле родного Отечества, дешевле, и тон их также разнообразен, как и речи ораторов, витийствующих у подземного перехода, под неусыпными взглядами inferнальных стражей порядка.

Но сюрприз ожидает все же не здесь, а в доме номер 14. В музее Николая Островского.

Если как-нибудь попадете в столицу, обязательно сюда зайдите, хотя отдаю себе отчет в том, что собственный поступок покажется вам сначала неожиданным. И все-таки зайдите. И посмотрите развернутую в музее выставку «Герой и время». Герой — Павлик Корчагин, время — история комсомола с 30-х до наших дней.

Сейчас выставок, подобных этой, немало. Достаточно вспомнить о показанной в той же Москве во Дворце молодежи экспозиции «Те десять лет», посвященной Н.С.Хрущеву. А разве — другого ряда открытая в Таллинне и имевшая оглушительный успех «Трехцветная Эстония»?

«Герой и время» в музее Н.Островского тоже о годах давних и противоречивых. Возможно, на фоне других обширных экспозиций она явно проигрывает в размерах, но по внутреннему заряду вряд ли уступит себе подобным. Особенно сейчас, когда комсомол, его жизнь и пути дальнейшего движения стали предметом неоднозначных размышлений и соображений.

Две трибуны в разных концах зала — образ этой выставки. Декорированные красным, начиненные транспарантами, лозунгами и наклейками. С ними мы жили и живем уже десятки лет. А стены сверху донизу оклеены газетными полосами. Они — о нынешних буднях и потрясениях, пестрят столкновениями мнений, бьют тревогу.

Трибуна тридцатых годов не обросла еще, как остов корабля ракушками, победными сообщениями об уже достигнутом и обязательно выполненном. Достигнуть и выполнить только предстоит. Документы и материалы здесь строгие и лаконичны. Впервые музей показывает то, что долгое время находилось в «ссылке», в фондах и запасниках.

«Немедленно принять меры к быстрейшему завершению проверки неэкспонированных фондов и очищению их от политически вредных материалов». Это из циркуляра 1953 года Комитета по делам просветительских учреждений при Совете Министров СССР. Подобный циркуляр был не единственным. Цензура внимательно следила за тем, чтобы «лишнее» не смущало умы и не навредило на вопросы. Вот письмо секретаря ЦК ВЛКСМ В.Файнберга: «Репрессирован. Вот другой документ. В нем тоже «враг народа». Причем та или иная фамилия могла фигурировать лишь в контексте документа. Это дела не меняло.

Вот групповые фотографии. Чье-то лицо без особых затей затушено или вырезано. Из журнала «Молодая гвардия» изъят портрет генерального секретаря ЦК ВЛКСМ А.Косарева. Расстрелянного. Примечательна судьба стенограммы X съезда ВЛКСМ, который состоялся в 1936 году. Два ее тома буквально расчленены по отдельным листам. 80 процентов делегатов этого съезда бесследно исчезли и соответственно 80 процентам речей на съезде была уготована в стенограмме та же участь. Вытравлялась, репрессировалась даже память, и многие из фотографий попали в музей отнюдь не из архивов ЦК ВЛКСМ.

Среди документов привлекает внимание ходатайство о предоставлении писателю-орденоносцу Н.Островскому жилплощади в Москве. Он был тогда не просто широко известен, но и тяжело болен, из-за, впрочем, на положительном решении вопроса отразилось. Но друзья не отступали, продолжили хлопотать, отправили письмо Ста-

лину. Через некоторое время Островскому выделили квартиру в доме № 14 по улице Горького. Прожил он в ней один год.

Какая же метаморфоза произошла с чайниками и мечтами тех, кто верил в светлое завтра, ничего не жалея ради него? Вот совершенно неожиданный экспонат, извлеченный из фондов впервые, — набор открыток 20-х годов «Шаржи на активистов». Представить подобное в 30-х было уже невозможно. Как и в 70-х. А в 80-х? Тоже вопрос. Смешные рисунки, забавные подписи, проникнутые атмосферой далеких лет. Напечатанные на плотной бумаге плакаты зовут молодежь «на самолет». Лозунги отражают парадную сторону жизни, украшают не очень устроенный быт трудных будней перспективой завтрашнего благоденствия...

В 36-м, на своем последнем, десятом съезде комсомола Александр Косарев сказал: «Наше поколение находится на подступах к коммунизму, мы — непобедимы, у нас есть ясность цели». Через пятьдесят лет, на XX съезде комсомола, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Виктор Мироненко скажет: «Мы сделали только первые шаги на пути демократизации общества».

Стоит ли бросать сегодня упреки в адрес Косарева, называть его наивным? Он и его товарищи искренне верили в то, что говорили и делали, могли подписаться под каждым своим словом и дорого заплатить за него. Что и произошло. Наверное, при избытке веры им явно не доставало знаний. В анкете делегата X съезда комсомола секретаря ЦК ВЛКСМ по печати В.Файнберга в графе «образование» стояло «ниже среднего». Отвечая на другой вопрос анкеты, он написал «занимаюсь самообразованием». Они взяли на себя ответственность за будущее изменение мира, учились на ходу, и навсегда останутся в памяти как пример честной веры в выбранную судьбу.

А Николай Островский в эти годы получал письма со всех концов страны. Многие начинались словами: «Дорогой товарищ Корчагин». Писатель и его герой в сознании многих миллионов отождествлялись. Правда, в те годы читатели не были знакомы с главами из книги «Как закалялась сталь», которые мы прочли только сегодня. Павлик Корчагин в них едва не умирает от сомнений, он даже попадает в ряды оппозиции. Но путем мучительных сомнений перековывается.

Н.Островский ушел из жизни в 1936-м, и сегодня стоит задаться вопросом: «Если бы не болезнь и смерть, что ожидало писателя в 1937-м или в 1938-м?» Да, он был человеком своего времени, был поднят страшно на вершину славы, но разве откажешь ему в активной позиции, в понимании происходящего? Иметь позицию, точку зрения — это не поощрялось.

Что может более всего олицетворять минувшие десятилетия, как не периодика тех лет, страницы газет и журналов. Лес рук и неулыбчивые лица: «Не простим!» Суровая подпись: «Враг пойман с поличным» под фотографией из февральского «Огонька» 1937 года. Или другое журнальное фото: крупно — лицо краснофлотца-армянина — «Он охраняет корейцев, якутов, бурятов на берегах Тихого океана. Охраняет равноправие рас и национальностей». Прошли десятилетия, и нет у нас сегодня больше проблемы, чем национальная. Может, не так тогда охраняли?..

Потом была Отечественная

война, которую вместе с миллионами и миллионами прошел и Павлик Корчагин. Победа, годы восстановления, годы 1953-й и 1956-й. И был год 1962-й, когда собрался XIV, хрущевский съезд ВЛКСМ. Был XV съезд ВЛКСМ, провозгласивший: «Воспитание молодежи — главная задача комсомола!» Лозунгом следующего стало: «Ударным объектам — ударные темпы». Каждый последующий съезд уточнял задачи, делал их зримыми и конкретными. А за парадным фасадом и выжикиными словами все обстояло так нарядно. Не будем сейчас, следуя невесте откуда-то вышиваясь поветрию, перекривать все сделанное годами 60-х и 70-х для строительства лучшей жизни. Я у трибуны, возвращаю к нас на четверть века назад, просто поразмыслим о том, как нележки и непросты бывают прямые дороги.

Корчагин продолжал жить. Его именем называли себя бригады на заводах и строительных студенческие отряды, с его именем «преодолевались трудности» на БАМе или в Тюмени. Но при этом химические гиганты сдавались с нарушением технологии, закрывались глаза на явный брак. Начав скромно и исподволь, хозяйкой жизни становилась госпожа Показуха. Ее олицетворяли рапорты каждому комсомольскому съезду. Трудовые паспорта, свидетельства, Почетные грамоты стали неотъемлемой частью комсомольского быта и обязательно украшались цитатами из Н.Островского. А рядом была другая цитата — из Л.И.Брежневца. Все смешалось. Патриотизм с лицемерием. Самопожертвование со звоном фанфар. Но главная горечь в другом — построенное когда-то в неимоверно тяжелых условиях оказалось мало к чему пригодным.

Вторая трибуна на выставке «Герой и время» складывается как бы из нескольких ярусов, и они, внешне связанные, отделены друг от друга тем же расстоянием, что отделяет парадный рапорт от примерзающих к металлу в 50-градусный мороз ладоней. Внешне единство и внутренняя разобщенность, поэзия отчета и приписки и ничего не прощающая реальность.

Чем краше лозунг — тем горше чувство крушения. И как красноречивы взгляды молодых людей с фотографий совсем недавних лет: ребят-фанфанцев и тех, кого отделил от нас колочая проволока и часовой на вышке. А вот готовые стоять в пикете юноши и девушки, защищающие природу от экологического вандализма...

Пройдут годы, и новая выставка расскажет о жизни молодежи конца 80-х — начала 90-х. Какою она будет — сейчас не сказать, потому не будем торопиться предвосхищать и прогнозировать. Просто будем верить в то, что оставшееся позади не вернется, а ожидающее впереди — на этот раз не обманет.

Прощаюсь с Татьяной Латышевой, заместителем директора музея Николая Островского по научной части, моим добрым лицом, и снова вхожу на улицу Горького. И сразу же перемещаюсь из одного времени в другое. Людской поток и его герои — положительные, отрицательные, разные — по-прежнему неотделимы друг от друга.

Виталий АНДРЕЕВ.
МОСКВА — ТАЛЛИНН.